

Русские философы о понятии научного мировоззрения

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье показывается спорность понятия «научное мировоззрение». Указывается на его связь с идеологией марксизма, претендовавшей на отражение объективных законов общественного развития. Проводится мысль о том, что в рамках такого подхода понимание мировоззрения как источника личностных смыслов уступает место видению его как совокупности принципов социально значимой деятельности. Этому подходу противопоставляется позиция русских философов, критиковавших понятие научного мировоззрения и указывавших на то, что источником личностных смыслов, которые составляют содержание мировоззрения, является жизненный опыт субъекта, понимаемый как иррациональное приобщение к бытию. Для выражения такого приобщения к бытию могут быть использованы употреблявшиеся Бердяевым понятия «мирочувствие» и «миросознание». Концептуальное, научное мировоззрение означает отношение к действительности как чему-то внешнему, потустороннему, т. е. является позицией вещиности. Наука, по словам Бердяева, есть познание необходимости через приспособление к мировой данности и познание из необходимости. Для наполнения смыслом внутренней жизни личности определяющую роль играет конкретное бытие человека, которое выступает формой укоренения в бытии как таковом. Иными словами, главные смыслы своего существования человек обретает не на основе мировоззрения, содержанием которого является обобщенный образ внешнего мира, они обретаются из собственного опыта духовного возрастания, составляющего сущностную основу жизни.

Ключевые слова: мировоззрение, научное мировоззрение, жизненный опыт, бытие, иррациональное, мирочувствие

Для цитирования: Александров В. Б. Русские философы о понятии научного мировоззрения // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 90–98.

Russian Philosophers on the Concept of a Scientific Worldview

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article shows the controversiality of the concept of “scientific worldview.” It indicates its connection with the ideology of Marxism, which claimed to reflect the objective laws of social development. The idea is made that within the framework of this approach, the understanding of the worldview as a source of personal meanings gives way to its vision as a combination of principles of socially significant activity. This approach is opposed to the position of Russian philosophers who criticized the concept of a scientific worldview and pointed out that the source of personal meanings that make up the content of the worldview is the life experience of the subject, understood as irrational introduction to being. To express such an introduction to being, the concepts of “world sense” and “world consciousness” used by Berdyaev can be used. Conceptual, scientific worldview means the attitude to reality as something external, otherworldly, i. e. is the position of substance. Science, according to Berdyaev, is knowledge of necessity through adaptation to world given and knowledge of necessity. To fill the meaning of the inner life of a person, a specific being of a person plays a decisive role, which acts as

a form of rooting in being as such. In other words, a person acquires the main meanings of his existence not on the basis of a worldview, the content of which is a generalized image of the outside world, they are acquired from his own experience of spiritual growth, which constitutes the essential basis of life.

Keywords: worldview, scientific worldview, life experience, being, irrational, mindset

For citing: Aleksandrov V. B. Russian Philosophers on the Concept of a Scientific Worldview // Administrative consulting. 2023. N 2. P. 90–98.

Мировоззрение является феноменом, имеющим двоякое значение для личности. Во-первых, оно выражает результаты поисков личностью жизненных смыслов, организующих ее внутренний мир. Эти жизненные смыслы могут иметь свои истоки в опыте различных видов духовного освоения действительности — обыденного сознания, научно-познавательной деятельности, художественного творчества, религиозной жизни, философских размышлений. При этом в различных культурах, для различных социальных субъектов роль каждого из названных видов может быть различной.

Во-вторых, мировоззрение выступает своеобразной программой, выступающей основой определения целей и ценностей, задающих вектор активности личности. Успешность такой программы во многом зависит от степени ее адекватности существующей культуре.

Конечно, названные ипостаси мировоззрения личности тесно связаны между собой, взаимно обуславливают друг друга, что, однако, не означает возможности отказа от их различения.

Это, в частности, важно и потому, что в разных культурах на первый план может выдвигаться та или иная из них. Так, в рамках культурных смыслов, определяемых идеологией планомерно создаваемого общества, главенствующая роль принадлежала внешнему, деятельностному аспекту, выражающему вектор активности личности. Внутренний план мировоззрения как источника жизненных смыслов, явно или не явно, рассматривался в качестве вторичного. Предполагалось, что личностные жизненные смыслы должны формироваться на основе убежденности в «правильности» осуществляемой социальной практики. Эта убежденность строилась на представлении о том, что марксизм, являвшийся идеологической основой социальной практики, является наукой, сформулировавшей действительные законы общественного развития. Поэтому мировоззрение человека, принимавшего эту идеологию, естественно, должно быть *научным*. С овладением научным мировоззрением связывалось формирование нового человека, могущего успешно решать задачи коммунистического строительства. Так, в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии, утверждалось, что в эпоху строительства коммунизма «...первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов» [6, с. 118]. Иногда содержание научного мировоззрения понималось более конкретно — как марксистско-ленинская философия — диалектический и исторический материализм. Как писал один из столпов марксистской философии советского периода академик Т. И. Ойзерман, «диалектический и исторический материализм — научно-философское мировоззрение, которое не только объясняет мир, но и обосновывает пути его преобразования» [5, с. 38.].

Понимаемое таким образом мировоззрение проходит мимо темы истоков мировоззренческих представлений как выражения смыслов личностного бытия и акцентирует его, так сказать, «социально-технологическую» сторону, т. е. его значение как фактора ориентации в окружающем мире, имеющей целью достижение соци-

ально значимого успеха в практической или творческой деятельности. При этом результативность деятельности устанавливается с точки зрения его соответствия целям коммунистического строительства.

Конечно, успешное движение в этом направлении предполагает принятие личностью ценностей данного мировоззрения как лично значимых, и даже рассмотрение их как имеющих смысложизненное значение. Однако ценностный мир людей в этом случае как бы универсализируется и тема сугубо личного, неповторимого мировидения, укорененного в индивидуальной судьбе человека, уходит на второй план или вообще выпадает из поля зрения. Значимыми являются ценности, выражающие, по мнению теоретиков марксизма, интересы революционного класса. Как писал упомянутый выше автор, «гениальность основоположников марксизма заключалась, прежде всего, в том, что они теоретически постигли необходимость перехода на позиции пролетарской партийности, научно обосновали необходимость этого перехода» [5, с. 42].

Эта тенденция, например, весьма отчетливо выражена в определении значения научного мировоззрения для художественного творчества в словаре по эстетике времен позднего советского периода. «Опора на научное мировоззрение, основанное на принципах марксизма, помогает творцам социалистического искусства разглядеть социальную направленность нового, перспективные проблемы будущего. Мировоззренческая культура художника открывает возможность наиболее адекватного постижения действительности в художественном творчестве, диалектического снятия противоречия между должным и сущим, целью и средством» [9, с. 206].

Обращение к теме научного мировоззрения сегодня актуально потому, что она не осталась в далеком тумане советской жизни. И сегодня во многих учебных пособиях в качестве одного из видов мировоззрения называется мировоззрение научное. Оно обычно противопоставляется обыденному и религиозному мировоззрению. Это понятие предлагается для освоения и выпускникам школ, готовящимся к ЕГЭ, и студентам, изучающим курс философии.

Логика употребления понятия «научное мировоззрение» в марксизме, как отмечалось, заключается в том, что основным источником социально значимого мировоззрения, которое должно предлагаться и даже активно формироваться не только у подрастающего поколения, но и у всех членов общества, является научное понимание действительности, и, прежде всего, исторического процесса. В марксистской философии эта установка соответствовала представлению марксизма о том, что в нем впервые было сформулировано научное материалистическое понимание истории, составляющее главное содержание научного мировоззрения. При этом понимание научности мировоззрения в марксизме состоит в том, что научность здесь фактически отождествляется с наукой. Диалектико-материалистическое мировоззрение научно, в том смысле, что оно само является наукой, в его категориях обобщены знания, полученные в конкретных науках.

В настоящее время понимание научности мировоззрения становится более осторожным и заключается в том, что научность выражается в учете достижений науки, зафиксированных, в частности, в научной картине мира, и возможности обратного (мировоззренческого и методологического) влияния мировоззрения на развитие науки. Характерным примером такого подхода является рассуждение на тему научности мировоззрения одного из авторов популярного учебного пособия «Введение в философию» М.С. Козловой. Она, в частности, полагает, что «научно-философским мировоззрением, пожалуй, можно называть такую систему познания мира и места в нем человека, которая ориентирована именно на науку, опирается на нее, корректируется и развивается вместе с ней и порой сама оказывает на ее развитие активное влияние» [3, с. 23].

Первое, что вызывает чувство дискомфорта при знакомстве с этим определением научного мировоззрения — это непонятность «способов» влияния науки на мировоззрение. Что значит «опирается на науку», «ориентирована на науку»? Не проясняет ситуацию и указание на то, что научное мировоззрение, прежде всего, представлено в материалистической философии.

«Нередко считают, — пишет она, — что данному понятию (научному мировоззрению — В.А.) в наибольшей степени отвечают учения философского материализма, по сути родственного естествознанию и другим видам знания, которые опираются на опытное наблюдение и эксперимент. От эпохи к эпохе в зависимости от уровня развития и характера научных знаний, материализм менял свои формы. Ведь материализм — это, по сути, не что иное, как стремление понять мир таким, каким он существует реально, без фантастических искажений (такова же, в принципе, установка науки)» [3, с. 23].

Такая аргументация в пользу научности материалистического мировоззрения приводит, по сути дела, к утрате собственно мировоззренческого смысла философского учения, сводя его к повторению или, в лучшем случае, обобщению достижений естественных наук, т.е. к созданию некоторого образа реальности. Не меняет дела и оговорка о том, что вкладом в материалистическое миропонимание стало его распространение на общественную жизнь и на человеческую историю. Эта оговорка не выводит представление о научности философии за пределы образа реальности, создаваемой научной картиной мира.

Автор признает и научность идеалистической философии. И хотя логика аргументации в пользу этого тезиса несколько иная, но это не меняет того обстоятельства, согласно которому определение научности мировоззрения выражается в сближении его с наукой. Обосновывая научность идеалистического мировоззрения, автор указывает не на онтологический его аспект, а на воспроизведение в нем способа мышления, свойственного науке, прежде всего, метода идеализации. Согласно М.С. Козловой, «идеализм ориентирован на мысль, на идеализированный мир чистых, абстрактных сущностей, то есть таких объектов, без которых просто немыслима наука — математика, теоретическое естествознание и др.». Именно поэтому, по мнению автора, ««трансцендентальный идеализм» Декарта, Канта, Гуссерля, ориентированный на математику и теоретическое знание вообще, — не менее научен, чем материалистические концепции природы того же Декарта, того же Канта, Гольбаха и др.» [3, с. 23.] Указываемый автором «импульс», идущий из сферы науки в область мировоззренческой рефлексии, наверное, имеет место, однако вряд ли он может обусловить полноту выражения мировоззренческой проблематики в каждом из названных философских учений. Думается, что более взвешенная позиция будет заключаться в рассмотрении опыта научного познания как одного из возможных истоков мировоззрения, целостная природа которого имеет совершенно иные основания и иной смысл, нежели наука.

В истории науки встречается употребление термина «научное мировоззрение», сводящее его значение, по сути дела, к научной картине мира, но отдающее себе отчет в том, что такое понимание не исчерпывает всего содержания мировоззренческой проблематики и признающее значение религии, философии, повседневного сознания. Такое понимание мировоззрения мы встречаем у некоторых крупных ученых. В частности, подобным образом в ряде своих работ использует данное понятие В.И. Вернадский, который сводит мировоззрение исключительно к научной картине мира, игнорируя тему отношения человека к миру, его самоопределения в этом мире. «Именем научного мировоззрения, — писал он, — мы называем представления о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой; под этим именем мы подразумеваем определенное отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения

и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания. Отдельные частные явления соединяются вместе как части одного целого, и, в конце концов, получается одна картина Вселенной, Космоса» [4, с. 43].

Однако Вернадский осознает, что такой подход к определению мировоззрения не исчерпывает всего богатства мировоззренческой проблематики, значительная часть которой складывается за пределами науки. Научное мировоззрение, подчеркивает Вернадский, существует наряду с философским и религиозным видами мировоззрения. Различая эти виды мировоззрения, он всячески подчеркивал связь между ними. «Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой и могут быть разделены только в воображении» [4, с. 43].

Следует отдать должное В.И. Вернадскому в том, что он подчеркивает несводимость философского и религиозного мировоззрения к научному. Он критически относится к тому, что «среди течений научного мировоззрения существуют направления, которые предполагают, что научное мировоззрение может заменить собою мировоззрения религиозное или философское»¹ [4, с. 51].

Ценность этих размышлений в том, что, допуская, в общем-то, достаточно облегченную трактовку понятия мировоззрения, он вместе с тем видит, что существует глубочайшая мировоззренческая проблематика, связанная с самоопределением человека в мире, не выразимая средствами науки, и предполагающая единое мировоззрение, в котором знание и ценностные установки будут связаны в некотором единстве.

Такое сведение мировоззрения к научной картине мира возможно в творчестве ученого. Однако в рамках философской рефлексии оно ведет к существенному обеднению существа дела. Если свести источники мировоззрения к науке, то мы фактически утрачиваем сам смысл того феномена, который называется мировоззрением. Наука дает мертвый образ реальности, не наполняя его жизнью, субъективными смыслами.

На это обстоятельство со всей определенностью указывают представители русской религиозной философии. В их трудах вполне определенно обозначилась тенденция неприятия темы научного мировоззрения.

Первое, что определяет отношение русских философов к идее научного мировоззрения — это понимание возможностей науки в постижении бытия. Отношение к науке как фактору формирования образа реальности в русской философии определяется, во-первых, общим отношением к науке как условию самосохранения человеком себя в мире, где он находит себя. Философы в этой связи говорят о хозяйственной функции науки (Булгаков), экономической функции (Бердяев) и т. п. Но наука не может рассматриваться как путь к постижению бытия во всей его полноте. В качестве такого пути русские мыслители рассматривают *иррациональное* приобщение к бытию.

Для русских философов путь к постижению бытия связан с идеей о бытийном единстве субъекта и объекта, о том, что источником этого постижения является личный опыт человека. «Бытие дано лишь в опыте, но оно никогда не бывает дано в опыте рационализированном, рассудочном. Бытие дано до рационалистического рассечения духа и до раздвоения на субъект и объект» [1, с. 30].

Развитие этой мысли осуществляется через уточнение того типа опыта, в котором дано бытие до разделения на субъект и объект. Позиция, которая в той или

¹ Характерно, что авторы примечаний к книге Вернадского вполне в духе марксистской идеологии упрекают его за то, что он не допускает возможности преодоления религиозного мировоззрения научным. С. 304–305.

иной степени воспроизводится у различных философов, такова: «До раздвоения на субъект и объект бытие дано лишь в религиозном мистическом опыте» [Там же].

Не трудно заметить, что для русских философов сам термин «мировоззрение» будет представляться сомнительным, поскольку он явно или неявно акцентирует внимание на рациональном постижении действительности, в нем как бы зашифрована та самая непроходимая грань между субъектом и объектом. Мировоззрение — взгляд на мир вне меня и независимо от меня существующий. Иными словами, мировоззрение становится научным, если оно осознает себя как видение мира «со стороны». В этом случае оно перестает претендовать на то, чтобы быть образом бытия в самом глубинном смысле слова, таким образом, который должна давать философия. По словам Бердяева, «философия не может быть ни отвлеченно-интеллектуалистической, ни отвлеченно-волюнтаристической, она должна быть философией конкретного духа, в которой нет уже рассечения, в которой восстановлена цельность» [1, с. 31].

Если на время отвлечься от трудной для материалистического видения мира темы мистичности (осознавая, что при этом мы существенно обедняем идеи Бердяева), то можно сказать, что мировоззрение должно выражать способ бытия человека в мире. И главное в нем не рационалистические концепции, например, идея закономерного движения общества к коммунизму или идея универсальной человеческой природы, сопряженная с темой прав человека, а ощущение некоторой внутренней гармонии (или дисгармонии) бытия. Иными словами, основополагающую роль в ориентации человека в окружающем мире играют не теоретические построения, усвоенные конкретным человеком и являющиеся обезличенными по своей сути, а ощущение, переживание, несущие личностно неповторимый опыт общения с окружающим миром. Неслучайно Бердяев не единожды вместо термина «мировоззрение», употребление которого, на первый взгляд, следовало из контекста рассуждения, использует термин «мирочувствие», тем самым подчеркивая, что именно переживание человеком своего бытия выводит на установление личностно значимых ориентиров, на основе которых происходит самоопределение субъекта в окружающем мире. Рациональное может лишь оформить с некоторой степенью точности это переживание, позволяя транслировать его в коммуникационную среду.

Второе, на что следует обратить внимание в контексте нашего рассмотрения, это свойственное воззрениям ряда русских философов стремление отличить понятие научности от понятия науки и категорическое отрицание установки на рассмотрение научности как важнейшего условия, определяющего общественную значимость тех или иных сфер духовной жизни. «Никто серьезно не сомневается, — пишет Бердяев, — в ценности науки. Наука — неоспоримый факт, нужный человеку. Но в ценности и нужности научности можно сомневаться. Наука — и научность — совсем разные вещи. Научность есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науки. Научность покоится на вере в то, что наука есть верховный критерий всей жизни духа, что установленному ей распорядку все должно покоряться» [1, с. 264]. Общая мировоззренческая установка по данному поводу, согласно Бердяеву, должна состоять в том, что *«научность (не наука) есть рабство духа у низших сфер бытия, неустанное и повсеместное сознание власти необходимости, зависимости от мировой тяжести»* [1, с. 265].

Эта ментальная тенденция соответствует духу русской философии, укореняющей бытие человека в истории народа, смысловые основы которой находят свое выражение в религии православия. Наука по самой своей сути проходит мимо темы смыслов человеческого бытия. Весьма отчетливо эту мысль выразил С. Н. Булгаков, подвергший критическому анализу понятие научного мировоззрения. По его словам, «научная ориентировка настолько узка, специальна и прагматична, что для нее не существуют все вопросы, возникающие за ее порогом,

в частности и определение субъекта в его отношении к объекту, воли в ее отношении к действию» [2, с. 202–203].

Определяя мировоззренческие возможности научного познания, Булгаков замечает, что «при всем своем бесконечном богатстве и сложности по содержанию, наука необыкновенно проста, элементарна и бедна по своему заданию. Ее единственная заповедь гласит: познавай мир как механизм¹, поступай так, как будто бы он был только механизмом, до конца познаваемым. Но у нее нечего спрашивать о том, насколько верна самая заповедь» [2, с. 203].

Сама наука должна быть понята в свете более высокого взгляда на ее истоки и место в общественной жизни. У самого Булгакова этот более высокий взгляд, как отмечалось, связан с идеей хозяйственной природы науки, т. е. понимания ее как стороны глобальной деятельности общества по сохранению своего существования. Научное мировоззрение, как это ни покажется парадоксальным, не видит в полной мере эту ее природу. Оно утрачивает позицию субъекта, стремящегося сохранить полноту своего бытия, упрощает ее, и, по сути дела, перестает быть мировоззрением. «Познающий, хозяйственно ориентирующийся субъект незаметно выпроваживается за дверь и подменяется внемировым, созерцательным, бездейственным научным разумом» [2, с. 203]. Такая мировоззренческая установка имеет вполне определенные культурные основания в обществе, где экономическая сторона общественной жизни приобретает определяющее значение. Она справедливо рассматривается Булгаковым как продолжение рационалистической традиции идеологии Просвещения.

Булгаков видит истоки такого рационализма в специфике хозяйственной деятельности эпохи капитализма, требующей, как он говорит, глубокого погружения в объект. «Наш век характеризуется страшным напряжением хозяйственной энергии, одинаково выражающейся и в развитии науки, в экономическом материализме, ... прежде чем быть покоренным, объект временно покоряет себе своего покорителя» [2, с. 204]. Именно это обстоятельство рождает и поддерживает идею научного мировоззрения. «Злосчастное порождение века рационализма — идея „научной философии“ [2, с. 205], т. е. претензии науки на разрешение сверхнаучных и вненаучных вопросов.

В этом же духе оценивает идею научности и Бердяев. «Наука, — пишет он, — и есть усовершенствованное орудие приспособления к данному миру, к навязанной необходимости. *«Наука есть познание необходимости через приспособление к мировой данности и познание из необходимости»* [1, с. 266], и в другом месте: «наука есть экономическое приспособление к мировой данности и послушание мировой необходимости» [1, с. 267].

Преодоление этой точки зрения требует иной культурной установки, а именно такой, для которой первичной данностью, с которой имеет дело человек, выступает не хозяйство, призванное помочь человеку сохраниться в окружающей среде, а *человеческая жизнь*. Это понятие, конечно, само требует существенного уточнения. Но если обобщить различные ее определения, встречающиеся в трудах русских философов, то жизнь можно определить как процесс творческого самосозидания человека перед лицом Абсолюта во взаимодействии с окружающей природной и социальной средой через наполнение себя историческим опытом, кристаллизованным в культуре. Эта установка является характерной для русской религиозной философии. Такая установка означает, что главные смыслы своего существования

¹ Отнесемся к слову «механизм» с оговоркой. По сути дела Булгаков ведет речь о том, что наука видит мир только как управляемый некоторыми объективными законами. Слово «механизм» — своеобразная дань уровню науки, на котором находились знания мыслителя начала XX в.

человек обретает не на основе мировоззрения, содержанием которого является обобщенный образ внешнего мира, они обретаются из собственного опыта духовного возрастания, составляющего сущностную основу жизни.

Позиция жизни противостоит позиции вещиности. «Непосредственной данностью, обладающей положительным атрибутом бытия, для нас остается жизнь» [2, с. 205]. Позиция же вещиности, или, как говорит Булгаков, механической причинности, определяется отрицанием жизни «механизм не только не может объяснять жизни, но сам должен быть объяснен из своей соотносительности с нею».

В этом же духе характеризует русскую ментальность в ее отличии от мироощущения западного человека С. Л. Франк. «Западноевропейский человек, — пишет он, — ощущает себя именно как индивидуальное мыслящее сознание...он не чувствует себя укорененным в бытии или находящимся в нем и свою собственную жизнь ощущает не как выражение самого бытия, а как другую инстанцию, которая противостоит бытию» [7, с. 479].

Русская культурная традиция рождает иной способ мышления. Согласно русскому мыслителю, «совершенно иное мироощущение выражается в русском мировоззрении, которое поэтому стремится к совсем иной философской теории. ...Русскому духу путь от “cogito” к “sum” всегда представляется абсолютно искусственным, истинный путь для него ведет, напротив, от “sum” к “cogito”. То, что непосредственно очевидно, не должно быть вначале проявлено и осмыслено через что-то иное; только то, что основывается на самом себе и проявляет себя через само себя, и есть бытие как таковое. Бытие дано не посредством сознания и не как его предметное выражение; напротив, поскольку наше «я», наше сознание есть не что иное, как проявление, так сказать, ответвление бытия как такового, то это бытие и выражает себя в нас совершенно непосредственно» [там же].

Развивая эту мысль, Франк замечает: «Можно также сказать, что, в конечном счете, человек познает постольку, поскольку он сам есть, что он постигает бытие не только идеальным образом через познание и мышление, а прежде всего он должен реальнее укорениться в бытии, чтобы это постижение вообще стало возможным» [там же].

Сказанное означает, что для русских философов функция мировоззрения, состоящая в организации внутреннего мира человека, обретает свою специфику в мироощущении или, используя термин Бердяева, мирочувствии. В современной литературе парафразом этой мысли является идея известного нейропсихолога Николаса Хамфри, изложенная им в книге «Сознание. Пыльца души», о том, что базовой формой сознания выступает ощущение.

Концептуальное мировоззрение означает отношение к действительности как чему-то внешнему, потустороннему, т.е. является позицией вещиности. Русские философы имеют в виду иную отправную точку в деле наполнения смыслом внутренней жизни личности — конкретное бытие человека, которое выступает формой укоренения в бытии как таковом. Источник жизненных смыслов, которыми руководствуется человек, согласно русским мыслителям, надо искать в дорациональном бытии. Главную роль в ценностно-смысловом самоопределении субъекта играет не рационально организованное мировоззрение, основанное на научном знании о мире, а, если пользоваться терминами Н. А. Бердяева, «мирочувствие» и «миросознание», выражающие индивидуальный жизненный опыт субъекта. Рационально выстроенные мировоззренческие системы, обобщающие опыт научного постижения окружающего мира, игнорируют индивидуальный опыт, и, соответственно, личностную неповторимость субъекта. По сути дела, они не удовлетворяют смыслу понятия мировоззрения. Если использовать модную сегодня терминологию, то можно сказать, что для русских мыслителей словосочетание «научное мировоззрение» представляет собой оксюморон. Соединение несоединимого. Такие мировоззренческие системы могут иметь, конечно, определен-

ное значение для оформления жизненных смыслов человека, но только в том случае, если они будут находить интерпретацию в «мирочувствии» человека.

Литература

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С. Н. Соч. в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1993.
3. Введение в философию : учеб. пособие для высших учебных заведений / И. Т. Фролов. М. : Республика, 2003.
4. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М. : Наука, 1981.
5. Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии. М. : Мысль, 1979.
6. Программа КПСС. М. : Политиздат, 1976.
7. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.
8. Хамфри Н. Сознание. Пыльца души. М. : Карьера Пресс, 2014.
9. Эстетика. Словарь. М. : Политиздат, 1989.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Berdyaev N. A. Meaning of creativity // Berdyaev N. A. Philosophy of freedom. The meaning of creativity. M. : True, 1989 (in Rus).
2. Bulgakov S. N. Philosophy of economy // Bulgakov S. N. Works in two volumes. Vol. 1. M. : Science, 1993 (in Rus).
3. Introduction to philosophy. Textbook for higher educational institutions / I. T. Frolov. M. : Republic, 2003 (in Rus).
4. Vernadsky V. I. Selected works on the history of science. M. : Science, 1981 (in Rus).
5. Oizerman T. I. Dialectical materialism and the history of philosophy. M. : Thought, 1979 (in Rus).
6. CPSU program. M. : Politizdat, 1976 (in Rus).
7. Frank S. L. Russian worldview // Frank S. L. Spiritual foundations of society. M. : Republic, 1992 (in Rus).
8. Humphrey N. Consciousness. Soul pollen. M. : Career Press, 2014 (in Rus).
9. Aesthetics. Dictionary. M. : Politizdat, 1989 (in Rus).

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Social Science of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru